

Я служил в армейской разведке, в том подразделении, которое забрасывают через линию фронта перед большими сражениями. Сначала территорию для нас чистят снайперы. Они обстреливают обычные в таких случаях цели: господствующие по высоте пулеметные гнёзда и артиллерийские укрепления. Стреляют по прицелам, биноклям, кокардам. Обычно после этого сразу выдвигаемся мы, но бывает, что предварительно миномётчики проводят небольшую артподготовку, чтобы создать подвижки живой силы и побудить противника демаскироваться. Затем мы скрытно проникаем на чужую территорию. Готовим целеуказание для завтрашнего сражения, захватываем «языков», беспokoяще обстреливаем штабы, снижая их боеготовность, и так далее. Но при всём этом наша главная задача — уцелеть. Очевидно, что разведчики не являются ударной силой, мы — ядовитое и скрытое жало. Накануне сражения обычно укрываемся на территории противника. Реже — успеваем вернуться к своим. Конечно, при вылазках неизбежны рукопашные схватки. Боевая дружба, взаимная помощь являются для нас залогом успеха.

Наша служба жёсткая — то одного, то другого разведчика выводит за грань психологической нормы. Продолжение службы для таких бойцов стандартное. Тех, кто рано или поздно не выдерживал напряжения, переводили в артиллерию. Мы поддерживали связь с друзьями полевой почтой.

В артиллерии разведчики считались «белой костью», становились крепкими боевыми командирами, которых быстро повышали в званиях. И мы спокойно, насколько возможно, служили, зная, что нас ждёт «или голова в кустах, или грудь в крестах». Но когда в одной из стычек погиб друг, с которым мы призывались из одного села, похоже, наступил и мой черёд.

Я начал срываться. Войдя в азарт, бывало, стрелял по всем, кто попадал в прицел, а не только по солдатам в форме противника. Утверждал, что эти люди выглядели опасными. Действительно, в пылу боя попробуй их различить. Что, я должен задумываться? Тогда я сам живым не останусь и товарищей подведу. Что вообще делают люди в таком месте в такое время? Однако что-то изменилось внутри меня. Стало появляться прежде незнакомое чувство агрессии, я с трудом «остывал» после боя, что было замечено командованием. Беседы не помогали. Очевидно, что по моему поводу вскоре будет принято решение. Но мне хотелось продолжать работать с людьми, и я проявил инициативу.

На спецкурсе технику удушения нам преподавали диверсанты-подводники, вышедшие в отставку по ранению или по возрасту. У меня с ними сложились хорошие отношения. Заручившись их поддержкой, я написал рапорт с просьбой перевести в легководолазы. На рапорт наложили резолюцию: «Поддерживаем. Под водой гражданских лиц нет».

Первое следствие новой службы для меня, новичка, было приятным. Оно состояло в том, что я увидел иные страны — редкий случай для военного. При этом мы, пока ещё малочисленная элита нового рода войск, знали некоторых своих противников в лицо. Их фото висели у нас, наши — у них. В портах мы, встречаясь, бывало, смотрели друг на друга узнавающими взглядами. Странное чувство... Случалось, что под водой бились лично и потом зачёркивали фото проигравшего. Сегодня он, а завтра ты. Когда я зачёркивал, у меня почему-то всегда всплывали в памяти строки Маяковского: «Иду — красивый, двадцатидвухлетний...»

Против нас применяли боевые технические средства, которые почти не оставляли пловцам шансов и обращали нас в пушечное мясо. Люди в чуждой водной среде упрощённо могли считаться пустотелыми ёмкостями, защищёнными тонким кожерёберным слоем, поэтому стало возможным создание эффективных инфразвуковых генераторов, которые, повреждая альвеолы лёгких, превращали их в слизь. Такое воздействие создавалось неожиданно и по большому водному объёму, из которого противник заблаговременно убирал своих водолазов. Редко кто из наших после этого возвращался на базу.

Боевые дельфины с надетыми на голову металлическими масками врезались в пловцов, расплющивая о толщу воды. Однажды нам удалось поймать такого дельфина, заманив в специально созданный сужающийся коридор, и мы послали с ним обратный «привет» противнику. У них погибли, были ранены люди и дельфины. В ответ они сбросили на нашу базу с вертолёта глубинную бомбу.

Но самым фатальным и неизбежным воздействием было давление. Достаточно напомнить, что даже в атмосферном воздухе изменение давления с высотой кардинально меняет психофизиологические функции, но при этом человек, конечно, может вернуться. В воде же пловец получает воздействие нехарактерным для него повышенным давлением, которое динамично меняется при разнице глубины в один-два метра. Противодействия этому не было. Ухудшение здоровья только фиксировалось. Со временем изменения принимали стойкий характер. У потрёпанных глубиной водолазов то, что они видели, начинало казаться плоским, окружающая среда принимала жёлтый оттенок. Через три-четыре месяца после начального периода снижалась болевая чувствительность, реакции таких людей становись непредсказуемыми. Они становились немного психами. Таких называли «глубинными волками».

Надо заметить, что у нас наступающие профессиональные изменения заблаговременно распознавали с помощью тестов. Людей выводили из-под воды, проводили

реабилитацию и переводили на другое место службы. Но противник не признавал эту тему и использовал бойцов до конца, посылая на самые опасные задания. Так было проще и эффективнее осуществлять агрессивную военную политику. Мы были вынуждены противопоставлять им квалифицированных «володавов».

Однажды на задание против «глубинного волка» направили меня. В подводную шахту противник устанавливал ракету постоянного базирования, и в стеснённых условиях штольни защиту работ осуществлял только один пловец этой категории. Чтобы выманить «волка» из штольни, я закрепил на скале имитатор звука работающего гребного винта. Когда, выплыв, он обнаружил имитатор и коснулся его, я, уже готовый, поднырнул, резко рванул за ноги вниз, перерезал дыхательные трубки, обхватил и плотно прижал руки к телу.

Он успел обернуться, но, конечно же, с этого мгновения был обречён. Притянув противника к себе, я блокировал все возможные движения. Мы глядели в упор через плотно прижатые маски. И узнали друг друга. Мне стало немного неприятно. «Волк» трепыхался долго: сказывались тренировка на задержку дыхания и феноменальная изменённая физиология.

«Сдохни ты, а потом я!» — шептал я, глядя в затухающие глаза. Когда движения таки прекратились, я снял его медальон и навески, которые могли подтвердить мою работу. Да и ценились импортные навески у нас высоко из-за «фирмы». В особых случаях на часы и глубиномеры наносили именные надписи и вручали перед строем.

Штольню уничтожил шедший следом за мной взрывник. Утром мне своим чередом, почти рутинно, опять вспомнилось: «Иду — красивый, двадцатидвухлетний...»

Сколько раз ещё осталось?